

ность требует сосредоточения, достижимого лишь в уединении), в ранг исторического закона.

Явно намекая на фразу Шпенглера об «организмах высшего порядка», Тойнби (1991: 252) настаивает: «само общество — просто институт высшего порядка: институт, включая в себя все остальные институты, сам не включается ни в один из них». Правда, и он изредка упоминает, например, о «молодой эллинской душе» (: 211), но далёк от её гипостазирования в виде самостоятельной «культурной души» О. Шпенглера или, допустим, «симфонической личности» Л. П. Карсавина. Более того, он специально возражает против такой ошибки:

«западное общество привычно персонифицирует группы, классы, ассоциации людей, социальные институты, даёт им собственные имена — “Британия”, “Франция”. “Чехословакия”, “Правительство Его Величества”, “Лондонский муниципальный совет”, “Церковь”. “Пресса” и т. д. Отметим, что представление общества как личности или организма не даёт нам адекватного и точного выражения отношения между обществом и индивидом» (Тойнби 1991: 252).

«Итак, общество — это совокупность отношений между индивидами, и отношения эти, как мы установили, предполагают совпадение индивидуальных полей действия, а это совпадение говорит о наличии общей основы. Общая основа и есть то, что мы называем обществом. Коль скоро индивидуальное поле действия представляет собой часть или аспект самого индивида, каждый отдельный индивид в некотором смысле действительно тождествен всей целостности общества» (Тойнби 1991: 255).

На этом основании А. Дж. Тойнби проводит грань между своим учением и шпенглерианством: «Освальд Шпенглер утверждает, что цивилизацию можно сравнить с организмом, а значит, она проходит периоды детства, юности, зрелости и старости. Но мы уже показали выше, что общества не являются организмами, с какой бы стороны их ни рассматривали. В субъективных понятиях это умопостигаемые поля исследования; а в объективных понятиях они представляют собой основу пересечения полей активности отдельных индивидуумов, энергия которых и есть та жизненная сила, что творит историю общества» (Тойнби 1991: 295).

Тем не менее, сама идея органицизма не только привлекает своей простотой (человеку легче представить себе что угодно по аналогии с собой и с межчеловеческими отношениями, отсюда такая масса богов), но и прямо напрашивается в виде сравнения. И всего единожды у А. Дж. Тойнби (1991: 303) мы встречаем оговорку: «Фактически естественный организм, как и человеческое общество, содержит в себе творческое меньшинство и нетворческое большинство. В растущем организме, как и в растущем обществе, большинство дрессируется руководящим меньшинством и подражает ему». На фоне всего предыдущего она, однако, выглядит лишь как поэтическая вольность.

III.4.3. Монокультурализм В. Н. Дёмина

Что до В. Н. Дёмина, то для определения его позиции даже термин «культурализм» слишком слаб. Автор идёт ещё дальше, признавая человеческий мозг лишь приёмником космической информации, по определению единой. Рискуя вновь злоупотребить длинной цитатой, всё же вынужден её привести:

«Приходится пересматривать традиционное представление о мышлении, якобы локализованном и происходящем исключительно в одном мозгу. В действительности в нейронах

лишь аккумулируется некоторая энергия, способная активизировать или снять информацию, находящуюся повсюду и зависящую далеко не от одного только мозгового субстрата. Мозг в значительной степени является приёмником, предполагающим ещё и наличие передатчика. Такой передатчик отчасти находится за пределами мозга, а отчасти в нём самом, образуя в конечном счёте некоторое единое приёмно-передаточное устройство. Система нейронов в мозгу — своего рода дискета. Но, чтобы дискета заработала, нужен компьютер. В целом таким компьютером и выступает энергополе Вселенной, являющееся по своей сущности информационным.

Не только логическое мышление, но также оперирование наглядными образами и игра воображения с точки зрения взаимодействия двух миров — это объективно протекающий, физически, биологически и психически обусловленный процесс. Соприкосновение с клавишами собственного энергополя пробуждает в сознании и подсознании связанные или бес- связанные образы. Но бывает (и не так уж редко), что индивидуальное сознание включается в общий биосферный или космический энергопоток. И тогда творческий потенциал человека становится воистину неисчерпаемым. Особенно везёт в данном отношении гениальным личностям. Собственно, творческая одарённость во многом именно в этом и выражается» (Дёмин 1997: 518).

Почему такой взгляд может быть поставлен на одну доску с культурализмом? Потому что едины следствия: конкретный человек — лишь очередной оттиск некоей матрицы. То, что в данном случае эта матрица — вселенская и потому общая для всех людей и народов, лишь позволяет автору избежать крайних форм национализма.

III.4.4. «Национальное тело» кн. Трубецкого

Книга Н. С. Трубецкого «*К проблеме русского самосознания*» начинается изложением взглядов автора на субъект культуры — «личность». «При этом евразийство значительно углубляет и расширяет понятие личности, оперируя не только с *частно-человеческой*, но и с *многочеловеческой*, “симфонической” личностью. Так, личностью с евразийской точки зрения является не только отдельный человек, но и народ» (Трубецкой 2007 а {1927}: 151). Далее выясняется, что такие личности могут включать в себя друг друга, а вовне проявляться через «индивидуации» (конкретные проявления) и «лики» (социальные роли). Так, классы и сословия — это именно «лики» «частнонародных личностей» (там же: 152, сн.1), а конкретный человек — индивидуация своей национальной «личности». В получающейся иерархии Н. С. Трубецкого больше всего интересуют личности «частнонародные» (этнос) и «многонародные», которые Л. Н. Гумилёв позже назовёт суперэтносами. Это и есть определение культурализма — в смысле, принятом в данной работе. Нередко автор говорит даже о «национальном теле» (Трубецкой 2007 {1920}: 133, 135) с явной отсылкой к христианской концепции Церкви как «Тела Христова» (Римл.12:5; 1 Коринф.10:17, 12:12—20).

При этом слова «симфоническая личность» прямо отсылают к автору этого выражения — Л. П. Карсавину. Однако в дискуссии по этому вопросу и самому Карсавину пришлось согласиться, что такого рода единства обладают всё же меньшей реальностью, чем конкретный человек. По сути, это значит, что они являются отвлечёнными понятиями.